

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Маки.....	9
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОЛЛАПС

Глава 1. Более совершенное разжижение	15
Глава 2. Личные границы и общественный интерес	37
Глава 3. Лента	66

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРАГЕДИЯ ОБЩЕНИЯ

Глава 4. Говори быстро, думай быстро	107
Глава 5. Антипатии	134
Глава 6. Заблуждение демократизации.....	153

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОПОСРЕДОВАННОСТЬ ВО ВСЕМ

Глава 7. Смещенное «я».....	199
Глава 8. Машины, которые говорят	231
Глава 9. Реальность без реальности	263
Глава 10. Камень доктора Джонсона.....	283
Благодарности	296
Примечания	298

Общество не только воспроизводится благодаря процессу передачи опыта при общении, можно даже сказать, что само его существование протекает посредством этого процесса.*

Джон Дьюи

*И мы не можем, особенно подходя к современной эпохе, ничего понять правильно, если не понимаем, как революция в коммуникации создала для нас новый мир**.*

Чарльз Хортон Кули

*Налей мне еще один телефон***.*

Дэвид Боуи

* Пер. Ю. И. Турчаниновой, Э. Н. Гусинского, Н. Н. Михайлова. — *Прим. пер.*

** Пер. В. Г. Николаева. — *Прим. пер.*

*** Строка из первого куплета песни “Drive-In Saturday”. — *Прим. пер.*

ПРОЛОГ

Маки

Маки в каньоне Уокер — хрупкой экосистеме в горах Темаскаль в 120 км к юго-востоку от Лос-Анджелеса — зацветают в марте каждый год, но весной 2019-го они превзошли себя. Из-за нетипично сырой для этих засушливых мест зимы пошло в рост все годами пребывавшее в спячке, так что образовалось целое море маков, подобного которому здесь не видели уже давно. Цветы покрывали склоны пламенеющими, почти флюоресцирующими оранжевыми коврами — такого оттенка бывают жилеты и кепки охотников. Весть об этом так называемом суперцветении распространилась в социальных сетях практически мгновенно.

Раньше всех на место прибыли инфлюенсеры. Первого марта свой фотопортрет в море цветов выложила Джейси Мари Смит — фотогеничная двадцатичетырехлетняя жительница Аризоны с четырьмя сотнями тысяч подписчиков в инстаграме* и популярным лайфстайл-влогом на ютьюбе. Оранжевый комбинезон, оранжевый пуловер, кремовая шерстяная шляпа-

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

федора, цветок в зубах. «Мир не подстроится под тебя, пока ты подстраиваешься под него», — гласила подпись. Публикация собрала десятки тысяч лайков. Столько же собрала и следующая — там Джейси держала в руках букет свежесорванных маков, а подпись рекламировала ее накладные ногти. «Неоноворозовые для разнообразия!» — и ссылка на магазин.

Популярность хештега #суперцветение (#superbloom) начала расти (за следующие пару недель он появился в инстаграме* сто тысяч раз), и в каньон Уокер рекой потекли менее известные любители делать селфи. Шоссе и местные дороги оказались забиты машинами. Полиция выбивалась из сил, пытаясь навести порядок. В соседнем городке Лейк-Эльсинор объявили чрезвычайное положение. Многие приезжие сходили в поисках идеального кадра с размеченных троп и топтали нежные цветы; некоторые, по примеру Джейси, рвали маки охапками. После того как патрульного полицейского сбила машина, власти Лейк-Эльсинора закрыли парковку перед пешей тропой в каньон в надежде хотя бы так сдержать наплыв посетителей. На следующий день приказ пришлось отменить: люди начали парковаться как попало вдоль подъездных дорог и продираться сквозь заросли на склонах с телефонами в руках. В СМИ это нашествие назвали «макогеддон».

Ответная реакция не заставила себя ждать, и она была беспощадной. Поначалу в комментариях к постам с тегом #суперцветение царили восторги и умиление — «Боже, какая прелесть!», «Сказка!», «Обожаю!», снабженные всеми мыслимыми и немыслимыми вариантами сердечек, — но по мере распространения новостей о варварстве инстаграмщиков тон комментаторов постепенно суровел. «Хватит губить цветы ради своих себялюбивых себяшек», — выражал общее мнение один пользователь. «Сдохни, эгоистичная тварь», — вторил другой. Под постами

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

с маками ставили, как печать позора, оскорбительные хештеги #мерзавец, #кактебяземляносит и #губительцветов. Инфлюенсеры, почувствовав, что их так тщательно наводимый глянец вот-вот облупится, а лучезарный ореол померкнет, бросились редактировать свои публикации, дописывая извинения и оправдания. Кое-кто вообще удалил фото. Буквально за интернет-мгновение некое подобие упоения превратилось в некое подобие покаяния.

Разыгравшийся на маковом поле и в миллионах лент соцсетей скандал в каньоне Уокер, как в капле воды, отразил всю суть нашей безумной, комической, насквозь пропитанной информацией эпохи. Тут и торжество совместного первооткрывательства, и токсичность массовой травли. И демократизация медиапроизводства, из-за которой любой пользователь может создавать контент и конкурировать за символические аплодисменты, выражаемые лайками. И лапидарный иероглифический язык хештегов, эмодзи и восклицательных знаков. И инфлюенсеры, стирающие грань между бизнесом и душевной беседой. И подписчики — ликующая толпа на этом параде коллективной мимикрии. И тролли с их жесткими, часто мизогинными провокациями. И добровольные блюстители порядка, готовые поставить к позорному столбу любого отклонившегося от предписанных норм поведения и высказывания. И в первую очередь обитатели своих смартфонов — люди, не способные отлипнуть от экрана и потому слепые к происходящему вокруг и глухие к голосу разума.

А еще этот скандал подарил нам метафору. Мы живем сейчас в состоянии непрерывного суперцветения — только не маков, а сообщений. Наши телефоны превратили нас в живые передатчики — узлы коммуникационной сети беспрецедентного масштаба и скорости работы. Чем бы мы ни занимались, мы все время принимаем и отправляем сигналы, многие из которых мы осознаём (слова, картинки, звуки), а какие-то нет (данные о нашем местонахождении, поведении, настрое-

нии). Когда-то мы впервые подключались к этой сети в радостном возбуждении и с самыми радужными надеждами. Это ведь так здорово — когда тебя окружает столько интересной информации и столько людей; конечно же, все эти связи раздвинут наши горизонты и расширят наш круг сопереживания, а мир в целом станет лучше и добрее. Больше общения — больше понимания!

Не получилось. Возбуждение, быть может, никуда не делось — если инстаграм* не греет, то уж тикток взбодрит, а если и в тиктоке тухловато, есть дискорд, BeReal или что там дальше, — но радужные надежды сменились мрачными пророчествами. Мы сталкиваемся с валом непредвиденных последствий — со всеми общественными проблемами, проявившимися в каньоне Уокер, и со многими другими, более тяжелыми, — и, как власти Лейк-Эльсинора, мучаемся от неспособности с ними справиться. Дни напролет мы делимся информацией, мы постоянно на связи, вовлеченные как никогда, но чем больше мы общаемся, тем, кажется, нам хуже. Маки такие роскошные, такие яркие, такие завораживающие. И они же — пошлые, всепроникающие, одурманивающие.

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Коллапс

*Сюда сейчас идут первопроходцы
и пилят лес, а более крушат.
Взамен живых деревьев ставят бревна
и прочный провод вешают любовно*.*

РОБЕРТ ФРОСТ

* Пер. В. М. Кормана. — Прим. пер.

ГЛАВА 1

Более совершенное разжижение

Неожиданный провожатый

Трудно представить человека, менее подходящего для соцсетей с их трепом и стебом, чем Чарльз Хортон Кули. Рожденный в 1864 г. в чопорной семье из высшего общества американского Среднего Запада — его отец был выдающимся юристом, Кули рос замкнутым болезненным ребенком, страдающим от неясных, но мучительных расстройств пищеварения. Каждый поход в туалет был пыткой. «Иногда мне кажется, что мне одна дорога — в монастырь», — писал он в дневнике. В обществе других людей, продолжал Кули, «я словно сослан прочь от самого себя»¹. Таким же нелюдимым он остался и когда вырос. Этот профессор Мичиганского университета, изначально занимавшийся экономическими науками, а затем стоявший у истоков социологического факультета, редко сотрудничал с коллегами и не общался почти ни с кем за пределами узкого круга родных и друзей. Почти все время Кули проводил в одиночестве в своем кабинете в Анн-Арборе: читал и размышлял, иногда удаляясь

в уединенную хижину, которую он соорудил в лесу на берегу озера в северной части Мичигана. «Современному американцу нечасто удается, — вспоминал один из родственников Кули после его кончины в 1929 г., — прожить жизнь настолько в стороне от трудностей нашего времени»².

Несмотря на свою монашескую замкнутость, Кули самобытно и хирургически точно рассуждал о тонкостях общественных отношений. Все то, с чем ему было так трудно иметь дело в реальности, он благополучно осваивал в тишине и покое собственного разума. В своих трудах, написанных, когда социология еще только вызревала как наука, изо всех сил пытаясь отделиться от экономики и политологии, Кули отвергал принятое тогда представление об обществе как о собрании индивидов, преследующих (конкурируя или сотрудничая) собственные интересы. На его взгляд, ближе к истине было диаметрально противоположное. Общество формирует личность в большей степени, чем личность — общество. «Личность и общество — это две стороны одной медали, — писал он, — и отдельное независимое “я” — это не более чем иллюзия»³. Он был убежден в существовании «общественного сознания» — целого, превышающего сумму своих составляющих, — и приходил к выводу, что работу этого коллективного разума определяет способ обмена информацией в обществе. Кули, собственно, и ввел термин *social media* («социальные среды») — в примечательной статье под названием «Процесс социального изменения» (*The Process of Social Change*)⁴, напечатанной в 1897 г. в престижном журнале *Political Science Quarterly*.

Поначалу Кули словно прощупывает почву: первые несколько страниц он пытается разобраться, способна ли объяснить механизмы развития общества «дарвиновская идея изменения посредством выживания»*. Он делает ряд замечаний по поводу «расовых элементов» и «нездоровых влия-

* Здесь и далее пер. В. Г. Николаева. — *Прим. пер.*

ний», которые сейчас выглядят в лучшем случае необдуманными, а в худшем — отталкивающими. Однако затем направление его мысли резко меняется: Кули отвергает естественный отбор и наследственность как факторы социального изменения, поскольку они действуют слишком медленно и бессистемно. По-настоящему значимым фактором он считает коммуникацию. Коль скоро человек — «симпатическое, коммуницирующее животное», меняющее свое отношение и поведение в ответ на социальные сигналы, от того, как мы коммуницируем, в значительной степени зависит наш образ мысли и действия. Когда меняются «механизмы коммуникации», меняется и общество. И меняется оно тем быстрее, чем быстрее меняются эти механизмы:

Две вещи — человеческая природа и механизм коммуникации — всегда должны сотрудничать. Первая является относительно постоянным фактором, второй же в высокой степени изменчив и именно потому особенно интересен и важен. Его вариации обычно шли в сторону большей эффективности, и во многом благодаря этому история двух минувших тысячелетий является летописью быстрого и все ускоряющегося социального изменения.

Выведя на первый план средства, а не содержание коммуникации, Кули предвосхитил работы прославленных теоретиков медиа второй половины XX в. — Гарольда Инниса, Маршалла Маклюэна и Нила Постмана, которых сейчас считают основоположниками современной теории коммуникации. Кули, как и они, был медиаэкологом. Он осознавал, что коммуникационные технологии — это не просто инструменты, которыми люди пользуются, чтобы передавать голос и мысли на дальние расстояния. Каждое новое средство передачи создает новую среду. И, по мере того как мы приспосабливаемся к этой среде, она формирует наше восприятие и мышление, наши отноше-

ния с окружающими и даже наше самоощущение. Как отмечает профессор Джон Дарем Питерс, автором ключевых слов в статье Кули — «социальные влияния действуют через некоторый механизм, и характер их действия зависит от характера этого механизма» — мог бы быть Маклюэн. Они очень похожи по смыслу на знаменитый постулат Маклюэна *the medium is the message*, «средство коммуникации есть сообщение»*. Оба они понимали: то, как мы коммуницируем, даже важнее, чем то, что мы передаем в ходе коммуникации. Оба считали технологию коммуникации «двигателем истории», как сформулировал это Питерс⁵.

Однако Кули расставлял акценты несколько иначе, чем Маклюэн. Последнего интересовало в первую очередь то, как коммуникационные технологии формируют индивидуальное сознание, меняя характер чувственного опыта и модели восприятия. Кули же волновало, как эти же технологии определяют общественное сознание, меняя общую картину того, как распространяются влияния и самоорганизуются люди. Средство коммуникации, по мнению Кули, не просто проводник для неких сведений. Это инструмент для регулирования группового поведения и представлений членов группы. Посредством своих медиа общество продвигает ценности и устанавливает нормы, раздает пряники и щелкает кнутом, предлагает образцы поведения и ролевые модели, мотивирует и координирует действия, выстраивает иерархии и другие структуры власти и статуса. Да, человеческая природа по большому счету неизменна, но поведение всегда поддается влиянию общества. «Самоорганизация не может изменить природу, но обычно контролирует поведение», — отмечает Кули. А самоорганизацией, в свою очередь, управляет коммуникация.

* Пер. В. Г. Николаева. — Прим. пер.

Сферы влияния

Древние люди коммуницировали телесно — мимикой, жестами, рычанием и мычанием. Появившийся наконец язык (около 200 000 лет назад, по наиболее надежным на сегодняшний день данным) сильно расширил охват и точность коммуникации. Теперь людям удавалось сказать больше, большим поделиться, больше узнать. Однако речь по-прежнему была невозможна без тела. Как и первобытное рычание и мычание, слова проносились ртом говорящего и напрямую принимались ухом слушающего. Наши предки могли коммуницировать только с теми, кто находился рядом — в пределах слышимости или видимости. Идеи вполне могли перемещаться во времени и пространстве за счет передачи от одного говорящего к другому и далее по цепочке, но такая устная передача очень ненадежна. Она медленная, она легко обрывается, она чревата ошибками, когда кого-то подводит слух или память. Любой хоть раз игравший в «испорченный телефон» помнит, как быстро искажается информация, передаваемая по цепочке.

Только после изобретения письма — всего каких-нибудь несколько тысяч лет назад — речь освободилась от привязки к органам речи и слуха и стала пригодной для передачи с помощью технических средств. Нацарапанные на папирусе или бумаге слова преодолевали пространство и время неизменными (или почти неизменными). Если слово сказанное «погибает мгновенно, не оставив следа», как отмечал английский писатель и критик Сэмюэл Батлер в своей лекции 1895 г., то слово написанное «раздвигает в бесконечность область пространства и времени, в пределах которой один разум способен взаимодействовать с другим». Письменность дарит мыслям и наблюдениям пишущего «жизнь, продолжительность которой определяется лишь долговечностью чернил, бумаги и читательской аудитории, а не тела из плоти и крови»⁶. Связывая речь с изготовлением орудий, а затем и с торговлей — то есть делая ее *тех-*

нологичной, — письменность также гарантировала непрерывный и постоянно ускорявшийся рост эффективности коммуникации. Учитывая свойственную человеку изобретательность, можно было не сомневаться, что вслед за письменностью появятся книги, печатный станок, газеты, телеграф, факсовые аппараты и компьютерные сети. А жажда денег и престижа гарантировала отчаянную конкуренцию в сфере изобретения и совершенствования этих орудий.

Любое средство коммуникации имеет политическую функцию: это не только проводник мысли, но и проводник власти. Расширяя пространственно-временные границы для речи, письменность расширяла и пределы личного и институционального влияния. Письменное слово было потенциально способно определять мышление и поведение гораздо большего числа людей (причем в масштабах целого мира и целых грядущих эпох), чем какое-либо устное. Это расширение сфер влияния имело далеко идущие социальные последствия. Оно обеспечивало центральным властям — церквям, правительствам, тиранам — больше рычагов контроля. Теперь они могли изъяслять свою волю посредством законов, догматов и указов, а также оберегать свою власть, не допуская посторонних к системам коммуникации. Инструменты коммуникации одновременно служили орудиями владычества⁷.

Однако, расширяя сферы влияния, письменность проявляла и еще одно — уравнивающее предыдущее — свойство. По крайней мере, тем, кто умел читать, она обеспечивала гораздо больше шансов ознакомиться с мыслями других людей. Как только благодаря печатному станку книги стали обыденностью, каждый грамотный человек получил возможность, как пишет Кули, «формировать собственную среду, удерживая из всего многообразия материалов то, что ему подходит, и открывая коммуникацию с близкими по духу умами отдаленных времен и мест». Освободив читателя от привязки к физическому местоположению и конкретной социальной

группе, письменное слово не только ускорило распространение знаний, но и подстегнуло рост индивидуализма. Читатель, взаимодействуя с книгой один на один, мог прокладывать собственную, неповторимую траекторию интеллектуального развития. Книга, даром что была «первым продуктом массового производства», как писал Маклюэн, тем не менее «изолировала читателя в тишине и способствовала созданию западного “я”»⁸.

По мере того как с течением столетий множились письменные произведения — не только книги, но и дневники, письма, газеты и журналы, — ширился круг идей и мыслителей, оказывающих влияние на читателя. Теперь человека могла объединять с другими не только территориальная близость, но и духовное родство. Даже расширяя область влиятельности центральной власти, письменность децентрализовывала и возможности влияния, и возможности самоорганизации. Это напряжение между централизованной и децентрализованной коммуникацией нарастало с появлением новых медиа все большей емкости. В 1517 г., вскоре после изобретения печатного станка, священник из небольшого немецкого городка по имени Мартин Лютер одним из первых обернул это напряжение себе на пользу. Распространив тысячи печатных экземпляров своих подрывных «Девяноста пяти тезисов», он бросил вызов авторитету могущественной католической церкви, разжег пламя протестантской Реформации и сделался первой в мире медиазвездой⁹. При помощи децентрализованных медиа он сумел стать центром влияния. И даже если сегодняшних инфлюенсеров интересует скорее мода, чем вера, умение использовать новую медиасреду для обхода традиционных посредников и прямого выхода на аудиторию они унаследовали от Лютера.

Вводя в своей статье термин «социальные среды», Кули подразумевал под ним новые группы, формирующиеся вокруг идей, интересов и личностей после избавления коммуникации от привязки к телу. Каждая такая группа сама по себе становится

средой для распространения информации и мнений между ее участниками:

Социальных сред так же много, как и специализированных групп симпатически связанных и коммуницирующих индивидов, и при выборе своей среды индивид выбирает, к какой группе он будет принадлежать. Каждая из этих групп, или сред, подчинена более или менее специфичным для нее движениям; в ней есть в какой-то мере собственные мнения, институты и традиции.

Чем проще людям, которые «имеют схожие природы, входящие через коммуникацию в симпатию», было искать друг друга и формировать сообщества по интересам, независимо от того, где и даже когда они живут, тем динамичнее, пластичнее и неустойчивее становилось общество.

Озарение

Годы жизни Кули пришлись на поворотный момент в истории коммуникации — времена такие же бурные, как и наши. Он родился в том десятилетии (1860-е), когда была проложена первая трансконтинентальная телеграфная линия и разработан прототип первого телефона, а умер в те годы (1920-е), когда начала работать первая коммерческая радиостанция и было изобретено телевидение. Все потрясения, которые общество испытало, когда информация начала передаваться со скоростью электрического тока, происходили на его глазах.

Статью «Процесс социального изменения» Кули писал, прекрасно сознавая, что новые медиатехнологии (упомянутые им «телеграфы, телефоны, фотография и чудеса ежедневной газеты») будут и дальше подстегивать темп трансформации общества. Политические идеи, религиозные догмы, научные открытия, модные веяния в музыке и нарядах — все они ста-

новятся «более быстрыми в передаче и общими в распространении, доступными на большем расстоянии и для большего числа людей». На основании общих интересов и убеждений образуется большее число групп, а по мере последующей специализации или поляризации этих интересов и убеждений внутри групп происходят расколы, так что они дробятся на всё новые и новые группы. Характер осуществления власти и контроля все в большей мере определяется взаимодействием противоборствующих сил концентрации и централизации, с одной стороны, и фрагментации и рассеяния — с другой. Последствия этого предсказать было невозможно, однако Кули понимал, что они будут судьбоносными. «Что же касается общего характера социального изменения, — подытоживал он, — то этот эффект можно описать как более совершенное разжижение социальной среды». С ускорением технологий коммуникации утвердившиеся социальные структуры и отношения становятся податливыми, как вода.

Догадки Кули о том, как механизмы коммуникации меняют общество, перенаправляя векторы влияния и трансформируя модели самоорганизации, крайне поучительны. Как мы еще убедимся, они в немалой степени проливают свет на то, как средства массовой информации преобразили общество в XX в. и как соцсети преобразуют его прямо сейчас. Но предложенный Кули анализ был неполным. Пророческий дар отказал ученому в момент величайшего озарения, когда у него в голове родился потрясающий образ общества, разжижающегося в круговорте противоборствующих сил. Кули предпочел не вглядываться в самые мрачные перспективы, которые подразумевала его логика. Не приняв во внимание размытость границ, отделяющих влияние от манипуляции, а самоорганизацию от межгрупповой ненависти, Кули упустил из виду вероятность того, что, позволяя людям все лучше фильтровать информацию и объединяться в группы на основании личных прихотей или партийных пристрастий, более эффективные средства коммуникации могут

приводить к разобщенности, авторитаризму и раздорам. Они могут дестабилизировать или даже расколоть общество.

Быть может, в силу отрыва от повседневных «трудностей» своего времени Кули сохранял сентиментальное представление о человеческой природе. Наделенные свободой выбирать источники влияния и объекты солидарности, создавать собственную среду, люди, полагал он, будут принимать осмысленные, разумные решения. Имея возможность знакомиться с большим числом фактов и мнений, они станут более осведомленными и приобретут более широкие взгляды. Иногда, конечно, они будут действовать из эгоистичных побуждений или очаровываться пагубными идеями, но рано или поздно социальное давление коммуникации вернет их мысли и поведение в правильное русло. Ближе к концу статьи Кули писал: «Именно коммуникация дает человеческой природе справедливый шанс, сметая с ее пути барьеры невежества, слепой вражды и ограниченности места и позволяя человеку организовать свои высшие симпатические и эстетические порывы». По мере того как механизмы коммуникации продолжали неуклонно развиваться и совершенствоваться, за техническим прогрессом должны были последовать социальный и культурный.

Остаться таким неисправимым идеалистом Кули мог, только не прислушиваясь к голосу своего гения. Ему приходилось затушевывать противоречия, внутренне присущие тому образу социальных перемен, который он рисовал, и предполагать, что рост коммуникативной способности общества, словно по волшебству, превратит индивидуализм в солидарность, а раскол — в единение, что умножение числа групп не ослабит целое, а, наоборот, укрепит. Вера Кули в способность коммуникации «наращивать охват ощущения общности», как писал культуролог Филип Рифф в пронизательном эссе 1962 г., «отражала глубинное нежелание принимать в расчет демонов человеческой природы»¹⁰. В таких его заблуждениях этому одиночке вовсе не грозило одиночество.

Социальный миссионер

В начале 2012 г. Марк Цукерберг мог с полным на то основанием смотреть на всех свысока. Накануне своего восьмилетия его компания Facebook* сокрушила главного конкурента, MySpace, и теперь в одиночку господствовала на бурно растущем рынке социальных сетей. В фейсбуке* насчитывалось около 900 млн регулярных пользователей — в два с лишним раза больше, чем за каких-нибудь два года до того, — и каждый день они выкладывали порядка трех миллиардов публикаций. Продажи рекламы, а с ними и прибыли, устремились в стратосферу. Перспективы компании, и без того многообещающие, должны были вот-вот стать совсем радужными, поскольку Цукерберг вел тайные переговоры о покупке бойкого стартапа под названием Instagram*, сделавшего своей специализацией обмен фотографиями. Через несколько месяцев компании Facebook* предстояло стать публичным акционерным обществом, проведя крупнейшее первичное размещение акций за всю американскую историю. В результате сам Цукерберг станет одним из богатейших людей планеты.

Однако молодой предприниматель лелеял еще более амбициозные планы. Он намеревался изменить мир. Первого февраля Цукерберг написал длинное проникновенное обращение к будущим акционерам, в котором объяснял, что миссия Facebook* не сводится к тому, чтобы приносить деньги. Перед компанией стоит «социальная задача» — усовершенствовать общество, побуждая людей чаще вступать в коммуникацию. «Чем больше люди делятся друг с другом, — писал он, — тем более открытой становится культура, тем лучше мы понимаем чужую жизнь и мировоззрение». По его словам, он вдохновлялся изменившими мир коммуникационными технологиями прошлого, в частности прессой и телевидением:

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

Всего лишь повысив эффективность коммуникации, они в корне изменили многие важные составляющие общества. Они расширили круг тех, у кого есть возможность высказаться. Они способствовали прогрессу. Они изменили само устройство общества. Они нас сблизили¹.

Фейсбук* был призван проделать то же самое — только в еще большем масштабе.

В последующие годы богатство Цукерберга продолжило расти, а вот его социальная миссия не задалась. Реальность снова и снова рушила его надежды. Общество не становилось гармоничнее. Оно дробилось, в нем нарастала рознь, и немалую часть вины за это возлагали на соцсети. Конкретно фейсбук* сурово критиковали (помимо прочего) за подстрекательство к травле и навешиванию вины (буллингу и шеймингу), распространение ложных сведений и языка ненависти, слежку за пользователями, поляризацию избирателей, попытки монополизировать потоки информации. Соцсети и вправду меняли общество, но совсем не так, как обещал Цукерберг.

Критическая масса накопилась в 2016 г. Начался год с того, что в вашингтонскую пиццерию ворвался вооруженный мужчина — двадцатидевятилетний отец двоих детей. Внутри он собирался освободить малолетних жертв, захваченных, согласно циркулирующим в сети слухам, тайным обществом педофилов из Демократической партии. Никаких жертв он там не обнаружил, но до смерти перепугал множество детей, пришедших поесть пиццы с родными. Закончился год избранием в президенты США одиозного самодура с твиттер-зависимостью. Избирательная кампания характеризовалась распространением в фейсбуке*, инстаграме*, ютьюбе и на других платформах тысяч фейковых и зачастую бредовых новостей на основе не имеющих отноше-

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

ния к реальности публикаций, призванных запутать или ввести в заблуждение избирателей. Соцсети стали, если заимствовать цитату из старого эссе Джоан Дидион, «нервными узлами невероятной электронной пульсации, которую представляет собой американская жизнь», и эти нейроны срабатывали наобум¹².

Душевное равновесие основателя и руководителя компании Facebook* все эти неприятности, однако, не пошатнули. Совершенно не обескураженный, он по-прежнему держался победителем. 16 февраля 2017 г., всего через три месяца после скандальных выборов в США, он выступил с еще одним публичным обращением, на этот раз длиной в почти 6000 слов. В послании под заголовком «Построение глобального сообщества» (Building Global Community) говорилось о планах еще более амбициозных, чем в 2012-м, и с легкой руки журналистов его стали называть манифестом. Цукерберг провозглашал, что его компания расширяет свою миссию и теперь это будет не просто «налаживание связей между друзьями и родными», но построение «глобального сообщества, приносящего пользу каждому». Конечная цель заключалась в том, чтобы превратить и без того уже обширную социальную сеть в благосклонное сверхгосударство, «охватывающее целые культуры, народы и регионы». Фейсбуку* предстояло стать «социальной инфраструктурой» всей планеты¹³.

В этом послании отчетливо (хотя и непреднамеренно) слышались отзвуки идей Чарльза Кули. Цукерберг считал, что запланированное им глобальное сообщество естественно и неизбежно сложится из «миллионов более мелких сообществ». Характеризующиеся взаимовлиянием участников группы, которые Кули обозначил как «социальные среды», Цукерберг назвал «группами-посредниками, объединяющими нас и закрепляющими наши ценности». Роль фейсбука*, заявлял он, будет заключаться в предоставлении новых программных инструментов, автомати-

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

зирующих создание подобных групп. С особенным восторгом он рассказывал о том, как эффективность формирования этих групп будет повышаться благодаря использованию искусственного интеллекта. С помощью алгоритмов машинного обучения его компания будет идентифицировать наборы людей с вероятно схожими интересами или мнениями, знакомить их между собой на фейсбуке* и побуждать их заводить там официальные группы для обмена информацией.

В основе манифеста Цукерберга лежала концепция общества как технологической системы с такой же структурой, как у интернета. Точно так же, как интернет — это сеть, состоящая из множества сетей, общество, в представлении технократа, — это сообщество, состоящее из сообществ**. При наличии верного набора общих протоколов коммуникации — предоставленных, разумеется, фейсбуком* — все сообщества мира окажутся связаны в одно, лишенное швов глобальное сообщество. Сообщество, если прибегнуть к любимому слову технологической элиты, *масштабируется*. С помощью разработанного чуть ранее алгоритма новостной ленты (News Feed) фейсбук* автоматизировал потоки информации и влияния среди пользователей, добившись, как это формулировал Цукерберг, «распространения без трения» (*frictionless sharing*). Теперь то же программное обеспечение должно было послужить автоматизации формирования групп за счет самоорганизации без трения.

Но мечты предпринимателя о «глобальном сообществе, приносящем пользу каждому», оказались напрасными. Люди —

* Принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

** Цукерберг давно придерживается механистических взглядов на общество. С первых дней существования фейсбука* он называл свою социальную сеть «графом» — это специальный термин из математической теории сетей. Один из парадоксов начала XXI в. состоит в том, что молодые люди, больше интересующиеся цифрами, чем людьми, получили такое огромное влияние на социальные отношения. — *Прим. авт.*

не компьютеры. Сообщества, которые они образуют, — не электронные сети. Общество не масштабируется. Манифесту Цукерберга недоставало понимания людей как личностей со своим опытом и убеждениями, характером и мотивами, прихотями и предвзятостями. Люди объединяются друг с другом на основании общих интересов и ценностей, а не за счет технических протоколов. Нередко интересы или ценности одной группы отличны от интересов и ценностей другой или конфликтуют с ними. Какие-то группы могут придерживаться одиозных или умышленно раздражающих других убеждений. Группа белых националистов не станет взаимодействовать с группой антифашистов — точнее, если и станет, то не в том ключе, который сулит понимание и гармонию. Сообщество инцелов не может расшириться за счет взаимодействия и объединения с сообществом программисток. Связанные в сеть компьютеры коммуницируют с предсказуемой и бездушной четкостью. Люди же коммуницируют с любовью, злобой, страстью, обидой, радостью и страхом, — помимо бесчисленного множества других эмоций.

Дар

Мироздание, как сообщает нам Библия в первых же строках, было проговорено, сотворено словом: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Акт творения был актом коммуникации. Пятью днями позже, после того как Бог точно так же проговорил небо и звезды, сушу и воды, деревья, рыб, зверей и насекомых, пришел и наш черед. Нас тоже сотворили словом — причем с особой, священной оговоркой: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему».

Принять образ Бога, стать его подобием — значило перенять и его способность говорить. Именно речь, как намекает Писание, отличает нас от остальных животных на Земле и ставит выше всех этих мычащих и рычащих. Говоря, мы проявляем скрытое в нас божественное начало, а также собственную творче-

скую, созидательную силу — еще одно уподобляющее нас Богу свойство. Что же мы создаем своими словами? Прежде всего себя самих. Голос самосознания, постоянно звучащий у нас в голове, — этот странный гибрид монолога и диалога, соединяющий говорящего и слушающего в единое целое, — и есть ваятель нашей личности. Язык, пишет религиовед и бывшая монахиня Карен Армстронг, «не только является жизненно необходимым средством общения, но и помогает нам формулировать и чётко излагать неясное волнение нашего внутреннего мира»^{*,14}. Даже самые невыразимые переживания наш разум быстро облачает в слова. Миг за мигом мы проговариваем себя — создаем себя словом. А потом, обращая голос за пределы собственного сознания, присоединяемся к другим в общих начинаниях. Слово нужно нам, чтобы координировать мысли, чувства и действия. Словом мы сообщаем проговариваем наш мир.

Уникальность человеческой речи освящена (в чисто мирском значении) наукой. Информацией обменивается множество других животных — иногда с нюансами и тонкостями, о которых мы можем только догадываться. Но ни один вид из представленных на обширном и ветвистом эволюционном древе не способен тягаться в коммуникативной виртуозности с *Homo sapiens*. Эта сама по себе уникальная способность — владение речью — вытекает из других неповторимых особенностей физиологии, когнитивных функций, психологии, памяти, системы органов чувств. Именно благодаря этой вербальной сноровке мы делаем все то невероятное, на что способен только человек: пускаемся в сложные рассуждения (пишем «Критику чистого разума» и разрабатываем теорию относительности), конструируем сложные объекты (готический собор, атомную бомбу), живем в сложных сообществах (городах и государствах). Считаем ли мы ее божественным даром или природным явлением, именно беглость коммуникации позволяет нам воспринимать себя как венец мироздания.

* Пер. М. Черняк. — Прим. пер.